

О малой деревне замолвите слово

Архив этой рубрики смотрите на нашем сайте: kommunarfirovo.ucoz.ru

Продолжение. Начало в №13

ПАПА КАРЛА

Чуть на отдалении от деревни, выше по реке, жила эстонская семья Лугенбергов. Они держали мельницу. Это место и сейчас зовётся Старая мельница. Во времена коллективизации остро встал вопрос о передаче мельницы в колхоз. Очень не хотелось старому Лугенбергу принимать непродуманное решение. Ничего не ответил он активистам и исчез на несколько дней. Вернулся невеселый: "Прафда фаша. Нато оттафать!" Его сын Мартын был неутомимый изобретатель и умелец. Он первый в округе соорудил из мельничного колеса агрегат для обмолота зерна. Им же можно было колотить лён. Великое облегчение для колхозников. Пригляделся однажды к "кидалке" — это такое громоздкое приспособление, которым пользовались землемеры, в форме большой буквы А — и придумал, как сделать её складной. Смастерил себе велосипед и колесил на нём на удивление всей округе.

Завалинка

В войну старый эстонец сторожил колхозный огород. Огород тянулся вдоль реки почти на километр от брода до угольной ямы (тоже памятное местечко — когда-то здесь жгли уголь). Сажали и сеяли тут всё, что только может расти — капусту, брюкву, лук, чеснок, морковь. Земля в Ломаках плодородная, урожаи хорошие. Часть урожая в то время шла в госпиталь. Один из госпиталей был в Фирове, а небольшие, временные — по разным деревням, в том числе и в Ломаках.

Местная ребятня живо интересовалась урожаем, но "папа Карла" — так его звали — строго пресекал эти вылазки. Он приставлял к плечу свою палку и кричал: "Пу! Пу!", изображая выстрел. Мальчишки его не очень боялись, но из огорода убежали. Не послушаться старшего было немислимо. Впрочем, репку-другую всё-таки утягивали. Можно подумать, что папой Карлой дети называли его по аналогии со сказочным персонажем, однако в архивных документах так и записано — Карла Осипович Лугенберг. Может, это ошибка переписчика, может, дедушку так и звали.

Вскоре Лугенберги исчезли с хутора — в пере-

писи 1943 года их уже нет. Мельница была перевезена в деревню, здесь повыше брода явно виден отвод русла реки. Родители моего мужа в начале 60-х строили дом из купленного у Лугенбергов сруба. Свекровь, меняя за-

навески, частенько приговаривала: "Окна-то у нас эстонские!". Я недоумевала: окна как окна, что же в них эстонского? Оказывается, в традициях местных эстонцев принято было прорезать окна на три стороны. У русских, как правило, на две: три-четыре окна "в улицу" и одно боковое, кухонное. Тогда всё сходится: в доме Васильевых по два окошка на три стороны.

ЦАРЬ ГОРОХ

От моста до деревни надо идти полем. Справа река, слева — лес и кладбище. Поля, бывало, засеивали горохом, и ломаковские ребяташки часто ныряли туда подкормиться. Не только ломаковские — шемелинские и пухтиногорские тоже помогали. Время было голодное, дети всегда искали, где бы чего съесть.

Горох, как и всё колхозное добро, тоже охраняли. Сторожом был очень суровый дяденька, его звали Сергей Иванович. А мальчишек — Вася Семёнов, Толя Александров и Коля Журавлёв. Ну вот, сходили однажды мальчишки "в ночное", да удачно так сходили, и уселись делить добычу где-нибудь, а на завалинку к сторожу. То ли это была маленькая "мстия" за

прежние неудачи, то ли решили пофорсить перед девчонками (те тоже участвовали — стояли на шухере). Утром по улице идёт председатель: ё-мое, у сторожа вся завалинка вылушеченным горохом засыпана! Надо знать, какое это было время. Сергей Иванович мог очень серьёзно пострадать. Конечно, было разбирательство, мальчишек вычислили, и один из них, осознав вину, просил за сторожа. У мальчишки был козырь — председатель дядя Андрей Букин был женат на его крестной. Дядя Андрей долго ругался и грозился снять с заступника его трудовни (парнишка уже работал в колхозе).

Тогда всё обошлось: и трудовни, и сторож остались на своих местах. Сергей Иванович ещё долго жил в Ломаках. Уже старый, с большой седой бородой, он сидел на той самой завалинке, стучал клюкой и грозно шутил, и его побаивались уже глубоко послевоенные ребяташки, которые слыхом не слыхивали ни о каком горохе. Потом, говорят, Сергея Ивановича забрали к себе дочки, кажется, в Кострубли.

КОЗЛИНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

А трудовни всё-таки сняли, но по другому поводу. Вася Семёнов — передаём его рассказ — был подпаском. За это неплохо платили не только от колхоза, но и от населения. И всё было хорошо, пока в стадо не добавили коз. Эти твари напрочь испортили жизнь пастуху и подпаску. А уж козёл Фёдька!.. После очередной козьей диверсии пастух выразился в смысле "или я, или эта пад..." и покинул пост. В ответ Фёдька предпринял новую подлость, а именно увёл всё стадо в потраву. Удивительно, что и коровы, эти, казалось бы, добрые и совестливые существа, тоже поддались на козлиную провокацию. В общем, полдюда досталось, за ним и подпаску. Вася, конечно, сделал козлу крепкое физическое за-

мечание, но с того как с гуся вода, а Васиных трудовней как ни бывало. К счастью, не всех.

ЖУРАВЛЁВЫ

Мы уже говорили, что Ломаки были основаны тремя братьями-ошаша-

Александр Журавлев

ми. И двое из них оставили большое потомство — семьи Васильевых и Журавлёвых. Самый старший из Журавлёвых, кого удалось найти, — Фёдор Иванович. У него были сыновья Сергей, Алексей, Александр и Яков. Сначала жили вместе, держали большое хозяйство, обрабатывали землю. Землю эту когда-то давно Фёдор Иванович ездил покупать в Осташковский район. (Вот ещё одно косвенное подтверждение осташковского следа в истории Ломаков). Там жила дедова родня и там же он оформил купчую на землю. Насколько помнит внук Фёдора Ивановича Виктор, вся земля вокруг была купчая. С тех пор сохранились названия — Ломаковская купчая, Шемелинская, Лядинская. Даже Еврейская откуда-то взялась — а шотак вы хотели? В Ломаковской купчей была пашня, покосы, стояло больше сорока сараев. Об этом опять же напоминают названия мест вокруг деревни: Ближние сараи, Фёдорова нивушка (не самого ли Фёдора Ивановича?), Яшкин сарай, Стёпкин са-

рай... У деда Фёдора было четыре гектара земли, семья держала семь коров, две лошади. С началом коллективизации Журавлёвы разделились. Три брата остались в деревне — для Якова построили ещё один дом, а Александр ушёл на хутор. Хутор располагался километрах в пяти от деревни, по направлению к Семёновщине, и назывался Осиновка. Но чаще его звали Сашиным хутором.

Перед самой войной одна из внучек Фёдора Ивановича, дочка Сергея Наталья, тоже уехала жить на хутор — вышла замуж. Это был Гусев хутор, он стоял на Бронском ручье, ближе к Великооктябрьскому. Она была не единственная, кто уехал из Ломаков. У всех Фёдоровичей было по несколько детей. Все до поры жили в родной деревне, учились, кто и работал, а потом разъезжались. Однако большинство из них при первой возможности навещают родную деревню — есть в ней что-то неизъяснимо притягательное. Это касается потомков Васильевых, потомков Журавлёвых и всех-всех, кто родился здесь.

Сын Александра Фёдоровича Виктор остался в деревне. Он построил дом напротив старого журавлёвского, который и сейчас стоит на берегу ручья, что бежит по деревне и делит её на "ту" и "эту" улицы. Их, улиц, там всего две. В этом ручье Витя с мальчишками ловил рыбу. Устраивали плотину, делали узкую горловину, подставляли корзину — и лови не зевай. Не бог весть какая рыба — одно слово, гариюга, но на ужин семье хватало, ещё и оставалось.

В войну в большом старом доме Журавлёвых был госпиталь и один класс школы. В сорок третьем её перевели уже в Пухтину

Гору, учиться Витя ходил туда. В его свидетельстве о рождении записано: место рождения — д. Ломаки, колхоз "Красная звезда". С этим колхозом, который затем укрупнился и назывался уже "Восход", связана вся жизнь Виктора Александровича. Он много и честно работал на родной земле, выйдя на пенсию, продолжал содержать полное хозяйство. Ему было уже за семьдесят, когда они с женой решили перебраться на Великооктябрьский — ближе к цивилизации. И почти сразу, как бы подхватив эстафету, из Москвы в родовой дом переехал жить его родственник Вячеслав Журавлёв. И правильно сделал: мужчина не должен отрываться от своих корней. Заработал в городе пенсию — возвращаясь на родину. В домик неподалёку на этой же улице ежегодно приезжает из Питера сестра Виктора Александровича Галина. А к ней то и дело наведываются "журавлята" — кто из Великооктябрьского, кто откуда.

Елена ВАСИЛЬЕВА

Окончание следует

«Коммунар», 20 апреля 2013 года